

Дмитрий Демушкин на Русском марше, 2014 год / Фото: [Фотобанк Moscow-Live](#), Flickr

26.02.2019, 14:01 Москва, Владимирская область

свой опыт

Отряд «ничего нельзя»: Демушкин о том, как отбывают срок «террористы и экстремисты»

На свободу [вышел](#) националист Дмитрий Демушкин. Его приговорили к 2,5 годам за репост фотографии согласованного с полицией плаката на «Русском марше» и картинку с надписью «Только чистые белые дети и взрослые». Он рассказал, как содержат «террористов и экстремистов» в ИК-2 в Покрове: избиения, руки всегда за спиной, восемь подъемов за ночь и +11 градусов в камере.

Начну с момента ареста. Меня посадили в спецблок «Матросской тишины». Так называемый шестой спецблок,

на языке зеков — «Воровской продол». Туда сажали террористов, воров в законе, криминальных авторитетов, ну и я попал в этот круг.

Половина там были пожизненно осужденные, часть — ждали приговора, я был среди них. Сорок человек нас было, удалось пообщаться с разными людьми. Сидел я с членами «Банды ГТА», которые позже были расстреляны (при попытке побега — *ОВД-Инфо*), теми, кто питерское метро взорвал. Сидел с фигурантом убийства Немцова — со мной он был в камере, — с замом курского губернатора Зубковым Василием Николаевичем, с исполнительным директором Роскосмоса (Владимиром Евдокимовым — *ОВД-Инфо*), с заместителем начальника ФСИН (Олегом Коршуновым — *ОВД-Инфо*).

На прогулки нас выводили 13 человек: восемь ФСИНовцев и пять спецназовцев с двумя собаками. На этих прогулках удавалось прочувствовать, насколько же ты опасен. На меня повесили профучет: что я якобы представляю угрозу для администрации и других осужденных. У меня был особый контроль даже в спецблоке. Мы над этим посмеивались, но затем это мне аукнулось.

Сначала у меня стоял этап на Красноярск, но в последний момент поменяли на владимирский лагерь. Мне не сказали, что везут во Владимир, сказали, что еду недалеко. Везли меня спецэтапом, пристегнули наручниками к тросу, который был натянут в вагоне. Везли крайне жестко: по приезде сотрудники СИЗО № 1 Владимира вынуждены были оформлять, что я тридцать три раза упал и поскользнулся в карцере. МВД или прокуратура даже были вынуждены формальную проверку по этому поводу проводить, я был весь синий. Сразу по приезде меня кинули в карцер, ничего не объясняли, никаких правонарушений не оформляли. Карцер — маленькая сырая одиночная камера, ниже уровня земли. В ней я какое-то время просидел без прогулок.

Оттуда меня повезли в ИК-2, в город Покров. Первый же вопрос, который мне задала администрация: как я отношусь к Путину. Меня это удивило: какое дело ФСИН, как я к кому отношусь? На восемь месяцев я оказался в БУРе (барак усиленного режима — *ОВД-Инфо*). Был там такой Саакян Роман Саакович, начальник оперотдела. Он создал БУР под названием «Сектор усиленного контроля „А“», сокращенно — СУКА. Это официальное название. Сначала это был (в структуре ИК-2 — *ОВД-Инфо*) отряд № 2, потом почему-то резко стал отрядом № 5.

Обычно людям хватало двух недель в этом отряде, чтобы потом они делали все, чтобы больше туда не попасть. Что там творили, я даже рассказывать не хочу, но это был очень жесткий отряд. Было очень холодно, +11 градусов, одеваться теплее не разрешали.

На спецотряде при любом разговоре с сотрудниками ФСИН я должен был делать доклад. У меня был доклад: «Осужденный Демушкин Дмитрий Николаевич, 1979 года рождения, осужден по статье 282 части 1 на срок 2 года 6 месяцев, начало срока 21.10.2016 года, конец срока 20.04.2019 года, склонен к экстремизму-терроризму, нападению на сотрудников правоохранительных органов, отряд номер 2». Даже когда вам говорят «здрасьте», надо сначала дать доклад, а потом ответить. Если этого не сделать, все будет сразу очень плохо.

Каждые два часа приходил сотрудник, я давал доклад — за 16 часов, соответственно, восемь раз. И восемь раз сотрудники приходили ко мне ночью. Меня будили за ночь восемь раз с фонарем, спать я научился урывками, по часу. Это был мой профучет.

Если человек совсем сильно был виноват, он сидел там три недели. Я сидел там восемь месяцев. Со 105 килограмм упал до 60. Думал, удастся ли мне оттуда выйти? Но телевизионщики стали настаивать, что хотят со мной

снять несколько сюжетов. Когда они приезжали, видели меня и отказывались снимать. Силовики из Москвы сказали владимирским: «Чего вы с ним делаете? Его же даже людям показывать нельзя».

После этого меня подняли на лагерь. Хотя лагерь режимный, очень жесткий, но там было намного легче. Было ощущение, что меня освободили. На обычных отрядах жить можно. Многого нельзя, но люди хоть как-то существуют. Можно было питаться своими продуктами, что-то делать, заниматься спортом, можно телевизор посмотреть, общаться друг с другом, в футбол поиграть, посещать церковь, еще что-то.

Можно руки за спиной не держать! Усиленный сектор — это руки за спиной всегда. Чтобы почесать нос, нужно спрашивать разрешение, в туалет ходишь с человеком. Этот отряд так и называли: отряд номер два «ничего нельзя». Короткое время давалось на помывку, короткое — на еду.

Хотя прошлой зимой этот отряд чуть-чуть подраслабили. Тогда же Саакяна уволили — я думаю, не просто так. На словах администрация ко мне лояльно относилась, первый год просто нужно было выжить. Немного восстановился, вешу 75–77 килограмм, жирок и мышцы, думаю, еще поднаберу.

В секторе усиленного контроля со мной категорически запрещали общаться другим заключенным. Когда этот отряд вели, все поворачивались спиной, на него нельзя даже смотреть из окна с барак, за это сразу предусматривалось наказание. Я восемь месяцев не гулял, не общался. Немного с ума можно сойти, если не научиться спокойно это принимать.

На секторе усиленного контроля за продуктами, которые вам же прислали, вы ходите два раза в неделю на 15 минут. Я в итоге перестал ходить: так нельзя нормально есть.

Каждый раз, когда я пытался жевать колбасу, я прокусывал десны, у меня весь рот был в крови. Потом стали пускать на кухню каждый день — сначала об этом даже не мечтали. Но так можно только что-то быстро съесть, ничего не пригостишь. Большую часть еды в итоге приходилось выбрасывать. Передавать что-либо категорически запрещалось, даже соль. Но еду не отнимали, там такого нет.

Когда меня подняли на лагерь, некоторые зеки даже аплодировали: ты, говорят, крепанулся. Как ты это выдержал восемь месяцев? Там было много чеченцев — «пособники терроризма» и так далее. Самое смешное, мне приходилось постоянно помогать чеченцам. Я за это был наказан. У людей было тяжелое состояние: там была свиная кухня, которую они не ели. Я видел, что у них очень тяжелое физическое состояние. Так как я относительно известен, мне было полегче, ко мне меньше применяли средств воздействия, мне удавалось поднимать какие-то вопросы и просить за людей.

Из числа «козлов» (заключенные, сотрудничающие с ФСИН — *ОВД-Инфо*) многие в разной степени симпатизировали моим идеям. Поэтому мне удавалось свои конфеты — что категорически запрещено — выносить с кухни и давать чеченцам. Меня в результате все равно заложили и наказали, зато отношение в лагере было очень положительным. Даже в характеристике написали, что пользуюсь авторитетом и уважением среди осужденных.

В лагере много смеялись, что Демушкин, которого судили за разжигание межнациональной розни, наказан за то, что подкармливал чеченцев конфетами. В какое-то время свинину давали и на завтрак, и на обед, и на ужин. Некоторые мусульмане ели, другие пытались держаться. В какой-то момент они начинали проваливаться в небольшие обмороки. Не думаю, что так делали специально для мусульман. Была свинина в столовой —

ее всюду и добавляли. Например, два месяца — одна говядина, два месяца — одна свинина.

Мусульман-«террористов» еще и не пускали на кухню. Впоследствии мне удалось убедить администрацию, и их стали пускать есть свои продукты.

Внешне коррупции в лагере нет, за деньги ничего нельзя купить, ни о чем нельзя договориться, лагерь образцово-показательный. Основная задача осужденного — не попасть на сектор, где очень плохо.

Мне, в принципе, говорили: вопрос не в том, сколько я буду сидеть, вопрос в том — как. Мне жизнь максимально усложнили силовики. В «Матросской тишине» в личном деле написали, что я имею профессиональные навыки занятий единоборствами и ножевым боем, в связи с чем представляю особую опасность. Никакого пояснения, в чем я себя так проявил, нет: просто навыки имею, поэтому склонен к нападению. Администрация колонии тоже этого не могла понять, в характеристике для суда они написали, что все требования сотрудников я выполняю, претензий ко мне не имеют.

Освободить меня должны были 20 апреля 2019 года. Силовики смеялись: мы тебя специально на день рождения Гитлера отпустим. Арестовали меня 21 октября 2016 года — это был день подачи заявки на «Русский марш». В 9 утра я подал все документы в правительство Москвы, а через два часа меня арестовали. По закону о зачете срока, проведенного в СИЗО как день за полтора, мне должны были скинуть 40 дней. Но 20 февраля у меня был суд по частичной декриминализации 282 статьи, прокурор даже не явился на заседание. Приговор мне отменили — я теперь лицо несудимое, постановили освободить в зале суда.

В колонию ко мне приезжали следователи, допрашивали по разным уголовным делам. Просили администрацию колонии оказать давление на меня, но те отказались: если

вам он нужен, везите в «Лефортово» и там давите. Администрация колонии решила, что я медийный и шумный, хотя поддержки как таковой не было: за все время там я ни одного правозащитника не видел, адвокат ни разу наедине со мной не смог встретиться, далеко не все письма доходили и уходили от меня. Первое время звонки мне давали по 15 минут раз в полтора-два месяца на один-два номера родственникам. Когда на обычный сектор перевели, звонки пошли почаще, но все равно общался я по телефону не с отряда, а отдельно, в присутствии руководства колонии. Некоторые сотрудники относились с пониманием, даже у руководства колонии проскальзывали нотки: мы видим, что с вами поступают очень жестко, но мы просто исполняем.

Когда приехал домой, ко мне через час **пришли** полицейские и дали подписку об обязательной явке в ОВД. Я пришел, там были местные полицейские и оперативники центра по борьбе с экстремизмом, они пытались поставить меня на профучет как освободившееся лицо. Я полдня объяснял им, что приговор отменен, я не судим.

Дело Дмитрия Демушкина

На лидера Партии националистов Дмитрия Демушкина заведено дело о возбуждении ненависти из-за картинок в соцсетях. Он приговорен к двум с половиной годам колонии

1 13

Ещё почитать

02.03.2026 Москва

Екатерину Шульман заочно приговорили к
году колонии по «иноагентской» статье